

СЕРИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК, ВЫП. 62

О СИНОНИМИИ СЛОЖНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ И СХОДНЫХ С НИМИ СЛОВСОЧЕТАНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ШВЕДСКОМ ЯЗЫКЕ

И. В. Каллистова

В современном шведском языке подобно тому, как это наблюдается и в других германских языках, имеется большое количество сложных существительных. В семантической структуре этих образований многое до настоящего времени продолжает оставаться неясным.

К числу малоисследованных проблем, имеющих принципиальное значение для понимания семантики составных слов, относится проблема так называемой синонимии сложных существительных и сходных с ними определительных словосочетаний.

До настоящего времени на материале шведского языка освещению этой проблемы не было уделено должного внимания. Такое положение наблюдается, впрочем, не только в отношении шведских составных слов. Вопросы синонимии сложных существительных и сходных с ними определительных словосочетаний не разработаны и на материале других германских языков. Исключением из сказанного являются лишь некоторые работы по германскому словосложению и, в частности, докторская диссертация М. Д. Степановой «Словосложение в современном немецком языке» (Л., 1959) и кандидатская диссертация Л. В. Шишковой «Определение в современном немецком языке» (Л., 1953). В этих работах, являющихся лишь первыми серьезными исследованиями, освещающими проблемы синонимического сходства сложных существительных и определительных словосочетаний, наряду с тонкими и интересными наблюдениями содержатся и такие положения, которые представляются спорными или малоубедительными.

Анализ вопросов, связанных с синонимией составных слов и словосочетаний, имеет важное теоретическое значение. Он позволяет установить специфические особенности семантики сложных существительных по сравнению со сходными с ними словосочетаниями, а также определить причину того, какие

именно особенности семантической структуры составных слов обуславливают высокую продуктивность этих образований в современном шведском языке.

Описание особенностей так называемой синонимии сложных существительных и словосочетаний не лишено и практического интереса, поскольку различие в семантике этих образований определяет закономерность появления каждого из этих образований в рамках того или иного контекста, что является весьма важным при практическом овладении языком и, в частности, при переводе с одного языка на другой.

Прежде чем перейти к изложению основных особенностей, определяющих сходство значения составных слов со значением словосочетаний, представляется необходимым остановиться на некоторых общих вопросах семантической структуры сложных существительных в современном шведском языке.

Шведские сложные существительные в зависимости от характера семантической связи между их компонентами, а также от значения всего образования в целом могут быть разделены на три больших семантических типа. Как будет показано ниже, семантическое своеобразие каждого из выделяемых трех типов определяет характер сходства между значением отдельных сложных существительных и определительных словосочетаний.

К первому семантическому типу сложных существительных в соответствии с предлагаемой классификацией относятся сложные существительные так называемого нестойкого типа, значение которых образуется в результате простого сложения лексического значения их компонентов, например *radioprogram* 'радиопрограмма' (ср. с *radio* 'радио' и *program* 'программа'), *atomenergi* 'атомная энергия' (ср. с *atom* 'атом' и *energi* 'энергия'), *revolutionshjälte* 'герой революции' (ср. с *revolution* 'революция' и *hjälte* 'герой').

Именно к этим сложным словам в полной мере может быть отнесено высказывание Г. Данелля о том, что в составных существительных «члены сохраняют... так много самостоятельности, что они постоянно без затруднения ассоциируются языковым чувством с соответствующими самостоятельными словами».¹

Семантика таких сложных существительных напоминает семантику свободных словосочетаний. Первый и второй компоненты, подобно членам словосочетания, находятся в «свободном» отношении друг к другу. Это значит, что любой из компонентов может быть заменен основой сходного существительного, и вновь образованное сложное слово по своей семантике будет сходно и однородно с тем существительным, по аналогии с которым оно образовалось. Так, например, на место первого компонента сложного существительного *radioindustri* 'радио-

¹ G. Danell. Svensk språklära, 3. uppl. (Lund). Malmö, 1947, 16.

промышленность' могут быть подставлены такие основы существительных, как bil-, textil-, papper-. В результате этого будут образованы сложные существительные bilindustri 'автомобильная промышленность', textilindustri 'текстильная промышленность', pappersindustri 'бумажная промышленность' и т. п. С другой стороны, один и тот же определитель radio- может определять различные понятия. Ср. radiostation 'радиостанция', radiosignal 'радиосигнал', radiokonsert 'радиоконцерт' и т. д. Сложные существительные такой семантической структуры, как radioprogram, в настоящем исследовании называются сложными существительными со свободным значением компонентов или «свободными» сложными существительными.

Наряду со «свободными» сложными существительными в шведском языке встречаются такие сложные слова, семантика которых хотя и слагается из значения компонентов, но является более устойчивой и связанной, чем у существительных типа radioprogram. Примерами существительных второго типа могут быть такие образования, как modersmålet 'родной язык', järnväg 'железная дорога', hästkraft 'лошадиная сила', amiralsflagga 'адмиральский флаг'.

Семантика сложных существительных типа modersmålet является сходной с семантикой фразеологических словосочетаний. Устойчивая внутренняя связь между компонентами не допускает, как правило, замены одного какого-нибудь компонента основой сходного по значению слова. Так, например, первый компонент amiral- составного существительного amiralsflagga 'адмиральский флаг' не может быть заменен основами soldat- или officer- потому, что ни солдатских, ни офицерских флагов не существует.

Следует отметить, что в языке могут встречаться сложные существительные, имеющие в своем составе один из компонентов, входящих во «фразеологическое» сложное слово. Ср., например, с одной стороны, hästkropp 'лошадиное туловище', hästsvans 'лошадиный хвост', hästdressyr 'дрессировка лошадей' с такими существительными, как elkraft 'электроэнергия', vattenkraft 'гидроэнергия', с другой стороны. Как видно из примеров, при наличии первых и вторых компонентов, сходных с такими же компонентами существительного hästkraft, остальные компоненты перечисленных выше сложных существительных не однородны по своему значению с теми, которые входят в сложное существительное hästkraft. Все эти сложные существительные являются поэтому «свободными», а не «фразеологическими».

Сложные существительные типа modersmålet и järnväg, как правило, не образуются, а воспроизводятся в процессе речи, как уже известные единицы языка. Эта особенность семантического строения сложных существительных также напоминает структуру фразеологических словосочетаний.

В настоящем исследовании сложные существительные типа *modersmålet* называются сложными существительными с фразеологическим отношением компонентов или сокращенно — «фразеологическими» сложными существительными.

Кроме существительных двух названных типов, в шведском языке встречаются составные существительные, у которых значение целого не может быть выведено «из совокупности значений входящих в него частей»,² хотя каждый из компонентов и не является опрощенным словом, например *frimärke* 'почтовая марка' (а не 'свободный знак'), *fingerborg* 'наперсток' (а не 'замок для пальца'). Сложные существительные такого типа, как *frimärke*, в настоящем исследовании называются сложными существительными с идиоматическим отношением компонентов или «идиоматическими» сложными словами.

Как показывает материал, различие в семантической структуре сложных существительных обуславливает возможность выражения их значения средствами словосочетаний и, следовательно, возможность сосуществования сходных пар анализируемых грамматических образований.

Так, значение сложных существительных может быть выражено с помощью сходных словосочетаний³ только в том случае, если существительные являются «свободными». Ср., например, *tallstammen* и *tallens stam* 'сосновый ствол', *atomklyvning* и *klyvning av atom* 'расщепление атома', *junivind* и *vinden i juni* 'июньский ветер', *arbetskläder* и *kläder för arbete* 'рабочая одежда'. Если же сложное слово является «фразеологическим», то его значение не может быть выражено средствами сходных определительных двучленных словосочетаний, оно может быть передано лишь описательно, с помощью развернутых словосочетаний или даже целых предложений. Ср. *snörapport* 'сообщение об уровне снежного покрова' и *radio-eller tidningsrapport om snötillgång* 'сообщение по радио или в газете об уровне снежного покрова', *ortskorrespondent* 'местный корреспондент' и *person som lämnar meddelanden från en viss ort till tidningar eller vetenskapliga institutioner* 'лицо, посылающее из какого-то определенного пункта сообщения в газеты или научные учреждения'.⁴

Значение «идиоматических» сложных существительных также, как и существительных «фразеологических», не выражается с помощью двучленных словосочетаний, однородных по значе-

² А. И. Смирницкий. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова»). Сб. «Вопросы теории и истории языка в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию». М., 1952, 199.

³ Сходными словосочетаниями в настоящем исследовании считаются только такие словосочетания, члены которых, во-первых, образованы от тех же основ, что и компоненты двучленного сложного слова, и, во-вторых, если эти словосочетания состоят не более чем из двух членов (не считая предлогов).

⁴ Именно так поясняется значение этих сложных существительных в «Иллюстрированном шведском словаре» (*Illustrerad svensk ordbok*. Stockholm, 1955).

нию со сложным словом. Объясняется это тем, что функция «идиоматических» сложных существительных совпадает с функцией существительных простых, т. е. она является просто номинативной.

Из сказанного следует, что проблема синонимии сложных существительных и словосочетаний ограничивается рамками только одного вида сложных существительных, а именно «свободных» сложных существительных.

Нельзя считать случайным совпадением то обстоятельство, что только существительные со свободным отношением компонентов имеют соответствия среди сходных определительных словосочетаний. Сходство в значении между обоими анализируемыми образованиями прежде всего обуславливается своеобразием семантической структуры сложных существительных нестойкого типа.

Главной особенностью семантического строения «свободных» сложных существительных является наличие у них номинативно-определяющей функции.

Под номинативно-определяющей функцией сложных существительных следует понимать способность этих образований являться средством не только наименования предметов и понятий, но и быть одновременно средством определения этих предметов и понятий. Сравнение между собою определений, выраженных первыми компонентами приводимых ниже существительных, показывает, что они могут быть определениями самого различного рода. Например, *guldbrosch* 'золотая брошь', *gummi-båt* 'резиновая лодка', *vattenånga* 'водяной пар', *temperaturhöjning* 'повышение температуры', *tedrickandet* 'чаепитие', *teaterföresfällning* 'театральное представление' и т. д.

Функция номинативного определения сложных существительных объясняет способность этих образований служить в языке средством выражения различного рода видовых понятий. Эта функция сложных существительных германских языков заметно отличается от функции сложных существительных многих других языков индоевропейской семьи.

Как известно, видовые понятия во всех индоевропейских языках выражаются главным образом с помощью определительных словосочетаний. Ср. русское «дом» и «каменный дом», «дом из камня»; английское *a house* и *a house of stone*; немецкое *ein Haus* и *ein Haus aus Stein*; датское *et hus* и *et hus af sten*; шведское *ett hus* и *ett hus av sten*.

Эти же видовые понятия могут быть выражены, однако, в таких германских языках, как немецкий и все скандинавские, с помощью «свободных» сложных существительных. Ср., например, вышеприведенные словосочетания и сложные существительные: немецкое *ein Steinhaus*, датское *et stenus*, шведское *ett stenus*.

Сходство функций и сходство основ существительных в составе сложного слова и словосочетания уже само по себе делает

оба эти образования похожими друг на друга. Однако в шведском языке наблюдается, кроме того, явление так называемой взаимобратимости сложных существительных и словосочетаний. Суть этого явления состоит в том, что сложные существительные могут не только легко возникать практически из любой пары существительных простых,⁵ но и распадаться, образуя определительные словосочетания.

Распадение сложного существительного и образование определительного словосочетания наблюдается обычно в тех случаях, когда требуется дать определение тому существительному, которое является в сложном слове первым компонентом.

Семантическое сходство между сложными существительными и словосочетаниями, обусловливаемое сходством их функций, является, без сомнения, причиной тех противоречивых суждений о природе этих образований, которые встречаются в работах некоторых авторов по германскому словообразованию. При этом наблюдается две тенденции при описании сложных существительных и словосочетаний. Одни авторы (например, А. Noreen,⁶ D. Sunden,⁷ Н. Paul⁸), основываясь на единстве значения некоторых видов словосочетаний, считают возможным относить такие словосочетания к категории сложных слов. В противоположность этому ряд других исследователей (например, Е. Wellander⁹) считает, что сложные существительные некоторых типов вообще не могут быть отнесены к категории слов.

Основанием для такого рода утверждений является сложность, «неоднородность» семантики сложных существительных, являющаяся следствием их номинативно-определяющей функции. Единство формы сложных существительных при этом полностью игнорируется.

Ответ на вопрос о том, в чем состоит семантическое различие между сложными существительными и сходными с ними словосочетаниями, может дать, по-видимому, лишь сопоставительный анализ различных типов сложных существительных и соответствующих им словосочетаний.

При проведении такого сопоставительного анализа наиболее трудным является выбор метода семантико-синтаксической классификации определительных сложных существительных. Как известно, в работах по германскому словообразованию не проводится единого принципа семантической классификации сложных слов.

⁵ См., в частности: W. Cederschiöld. God och dålig svenska. 3. uppl. Stockholm, 1934, 25.

⁶ А. Noreen, Vårt språk. Lund, 1904, V, 47; VII, 377.

⁷ D. Sunden. Svensk språklära i sammandrag, 28-e uppl. Stockholm, 1931, 187.

⁸ Н. Paul. Deutsche Grammatik. V. 2. Aufl., Halle (Saale), 1955, 6.

⁹ Е. Wellander. Riktig svenska, III. uppl. Stockholm, 1948, 141.

По аналогии с встречающейся семантической классификацией определительных сложных существительных¹⁰ при анализе материала настоящей статьи все сложные существительные были разделены на несколько подгрупп, выделенных по признаку определения второго компонента. Так, например, были выделены подгруппы сложных существительных, первые компоненты которых обозначают место или время, а вторые — то, что определяется по связанности с этим местом или временем, подгруппы сложных существительных, первые компоненты которых обозначают предметы или явления, а вторые — то, что принадлежит этим предметам или явлениям и т. д. Однако в отличие от встречающихся классификаций все эти подгруппы определительных сложных существительных были объединены в два больших подтипа.

К первому подтипу были отнесены все разновидности сложных существительных с определением второго компонента по принадлежности его тому, что было выражено первым компонентом, например сложные существительные с определением второго компонента по принадлежности его лицу, животному, месту, времени и т. п. При этом под отношением принадлежности подразумевалась принадлежность в самом широком смысле слова (ср., например, *oktoberdagen* 'октябрьский день'; день «принадлежит» октябрю потому, что он связывается с этим месяцем, входит в него, является его составной частью).

Ко второму подтипу были отнесены все остальные сложные существительные, отношение компонентов которых не могло быть определено как отношение принадлежности одного предмета другому. Этот второй подтип сложных существительных был назван подтипом сложных существительных с *изъяснительным* отношением компонентов (например, *gummistövlar* 'резиновые сапоги') в отличие от первого подтипа, определенного как подтип сложных существительных с отношением компонентов по *принадлежности* (например, *bergstopp* 'горная вершина').

Проведенный сопоставительный анализ сложных существительных и сходных с ними словосочетаний позволил установить следующие закономерности.

В современном шведском языке сходными по значению со сложными существительными могут быть три вида определительных словосочетаний: *генитивные словосочетания*, *предложные словосочетания* и словосочетания типа «*прилагательное + существительное*».

Сложные существительные имеют соответствия среди сходных *генитивных словосочетаний*, и значение таких существительных может быть выражено посредством словосочетаний типа «*существительное в родительном падеже + существительное в именительном падеже*» только в тех случаях, когда компоненты

¹⁰ См., в частности: М. Д. Степанова, Словообразование современного немецкого языка. М., 1953, 121; Л. Р. Зиндер и Т. В. Строева. Современный немецкий язык. 3-е перераб. изд. М., 1957, 202.

сложного слова находятся в отношении принадлежности друг другу. Если же такого отношения не наблюдается, возможность выражения семантики сложного слова посредством генитивного словосочетания исключается. Ср., например, *stadsinvånare* 'городские жители' и *stadens invånare* 'жители города': но *silverring* 'серебряное кольцо' и **silvers ring*.

Если наряду со сложными существительными в шведском языке встречаются генитивные словосочетания сходного значения, то между обоими этими образованиями отмечаются следующие семантические отличия.

Первый компонент сложных существительных выступает в качестве определителя, имеющего обобщенный, а не частный и конкретный характер подобно тому, как это имеет место в словосочетании. Такой характер определителя в сложном существительном объясняется тем, что первый компонент выражается в нем не цельнооформленным словом, а, как известно, основой слова.

Основа шведских существительных так же, как и существительных других германских языков, является носителем лексического значения слова. В ней не содержится указания на те грамматические категории, наличие которых может сделать эту основу цельнооформленным существительным, т. е. указания на род, число, падеж и артикль. Этим и обуславливается характер определения, выражаемого такими основами. Основы выражают признак, не конкретизируя его, признак, который может быть определен как «свойственный чему-нибудь, кому-нибудь, что обозначается основой». Так, например, сложное существительное *höstdag* означает в буквальном переводе на русский язык 'осенний день'. Основа *höst* выражает признак, свойственный не одной какой-то осени, а всякой осени, осени вообще. Этот признак соответствует по значению русскому прилагательному «осенний». Поэтому *höstdag* — это день, который бывает во время любой осени, это — один из дней осени, т. е. просто «осенний день».

В противоположность этому определитель *höstens* в таком, например, словосочетании, как *höstens skörd*, имеет вполне определенный и конкретный характер. Указание на эту конкретность содержится в суффиксированном артикле *-en*. Значение такого словосочетания, как *höstens skörd*, вне контекста не может быть дословно переведено на русский язык. Оно означает 'урожай этой осени', или 'урожай осени этого года', или 'урожай той осени, которая упоминается в контексте'.

Зависимый член словосочетания может иметь конкретный, но неопределенный характер. Это происходит в тех случаях, когда этот член выражен существительным с неопределенным артиклем, например *en pojkes cykel* 'велосипед какого-то мальчика'.

Определенность или неопределенность зависимого члена словосочетания не меняет того положения, что он всегда является не обобщенным, а частным и конкретным определением. Именно

эта грамматическая конкретность вносит в словосочетание дополнительные значения рода, числа, падежа и артикля.

Семантическое отличие словосочетания от сходного с ним сложного существительного состоит не только в дополнении и «осложнении» словосочетания значением ряда грамматических категорий. Оно наблюдается также и в том, что показатели грамматических категорий меняют в словосочетании по сравнению со сложным существительным смысловую нагрузку, падающую на его члены.

Семантическая нагрузка у определителя словосочетания является значительно большей, чем у определителя сложного существительного. Это объясняется тем, что определитель словосочетания вследствие своей грамматической оформленности «перетягивает» на себя часть того семантического «веса», который падает на сходное сложное слово в целом. Одним из важных доказательств семантической «весомости» определителя словосочетания в шведском языке является, в частности, то, что форма главного члена словосочетания в огромном большинстве случаев обуславливается формой его определителя. Такое положение всегда имеет место в генитивных словосочетаниях и очень часто — в словосочетаниях с предлогами.

Таким образом, различие между общим и частным характером определителя в сложном существительном и генитивном словосочетании, наличие в словосочетании ряда грамматических значений, отсутствующих в сложном слове, — эти особенности семантического строения анализируемых грамматических образований свидетельствуют о том, что сложные существительные и сходные с ними генитивные словосочетания никогда не могут быть полностью синонимичными друг другу. Сложное существительное может иметь значение, *сходное* со значением генитивного словосочетания, но оно никогда не имеет значения, совпадающего с ним.

Семантика сложных существительных может быть *сходной* со значением определительных *предложных* словосочетаний. В отличие от генитивных словосочетаний словосочетания с предлогами могут служить средством выражения значения как сложных существительных с отношением компонентов по принадлежности, так и сложных существительных с изъяснительным отношением компонентов. Ср., например, *stugudörren* и *dörren till stugan* 'дверь избы', *komjök* и *mjök från en ko* 'коровье молоко', *klimatförsämring* и *försämring av klimat* 'ухудшение климата', *ett järngör* и *ett gör av järn* 'железная труба'.

Различие в семантике между сложными существительными и сходными с ними предложными словосочетаниями определяется теми же особенностями словосочетаний, состоящих из двух существительных, на которые указывалось выше, при описании генитивных словосочетаний. Однако, кроме тех грамматических значений, которые вносит в словосочетание цельюоформлен-

ность его определителя, предложные словосочетания «осложнены» (по сравнению с составным словом) еще и значением того предлога, который выступает выразителем отношения между определяемым и определителем.

Значение сложных существительных с компонентами, выражающими отношение принадлежности друг другу, может передаваться с помощью многих типов предложных словосочетаний. Так, например, сложные существительные, компоненты которых выражают отношение родственной взаимопринадлежности или принадлежности одного из предметов другому, имеют соответствия среди словосочетаний с предлогом *till*; сложные существительные, компоненты которых выражают отношение части и целого, — среди словосочетаний с предлогом *av*; сложные существительные, компоненты которых выражают отношение принадлежности по происхождению, — среди словосочетаний с предлогом *från* и т. д. Эти предлоги, естественно, сообщают словосочетаниям дополнительные значения. Ср., например, *vagnhjulet* 'колесо экипажа' и *hjulet till vagnen* 'колесо (к) экипажу', *en fläskbit* 'кусочек свинины' и *en bit av fläsk* 'кусочек (от) свинины', *mjöldunsten* 'мучная пыль' и *dunsten från mjölet* 'пыль от муки'.

Определитель сложного существительного, как указывалось, имеет всегда обобщенный характер. В тех случаях, когда он выражен, например, основой существительного, обозначающего животное, он не содержит в себе указания на то, является ли животное живым или, наоборот, мертвым (убитым). Так, например, первые компоненты сложных существительных *harhuvud* 'заячья голова', *vargtand* 'волчий зуб', *svinblod* 'кровь свиньи', *harhjärta* 'заячье сердце' могут обозначать как живых животных, так и мертвых (убитых). Значение всего сложного существительного устанавливается в подобных случаях только с помощью контекста. Ср., например, значение сложного существительного *älghuvud* 'голова лося' в следующих двух предложениях: *Fingal slår sig ned i en vackert snidad länstol under ett uppstoppat älghuvud* (Moa M., *Livets fest*, 92). — 'Фингаль садится в красивое резное кресло под головой убитого лося' (букв. 'под набитой лосиной головой'); *ett älghuvud stack fram bakom busken*. — 'Голова лося показалась из-за куста'. В первом случае ясно, что речь идет о голове мертвого лося. Во втором случае не вызывает сомнения факт, что из-за куста показалась голова живого лося.

В тех случаях, когда требуется дать более точное определение животного, в шведском языке употребляются словосочетания с предлогами. Если при этом какой-либо орган, часть организма, внутренности и т. п. определяются по их принадлежности живому животному, то возникают конструкции с предлогами *på*, *hos* или *i*. Ср., например, приведенные выше сложные существительные со словосочетаниями *huvud på hare* 'голова зайца', *tand på varg* 'зуб волка', *blod i svin* 'кровь свиньи', *hjärta hos hare* 'сердце зайца'.

Если же требуется определить эти же органы, но уже от мертвых животных, то в шведском языке используются словосочетания с предлогами *av* и *från*. Ср. *huvud av hare* 'голова (от) зайца', *tand av varg* 'зуб (от) волка', *blod från svin* 'кровь (от) свиньи', *hjärta av hare* 'сердце (от) зайца'. Приведенные примеры с очевидностью свидетельствуют, что значение предложных словосочетаний не является синонимичным со значением сходных с ними сложных существительных.

Как показывает материал, словосочетаниями, семантика которых совпадает с семантикой сложных существительных, в современном шведском языке могут быть лишь некоторые словосочетания типа «прилагательное + существительное». Если в таких словосочетаниях прилагательное, образованное от той же основы существительного, посредством которой выражен первый компонент составного слова, имеет обобщенный характер относительности, то синонимия может быть почти полной. Ср., например, *kvinnoskönhet* и *kvinnlig skönhet* 'женская красота', *kvinnogymnastiken* и *kvinnliga gymnastiken* 'женская гимнастика', *mannahjärta* и *manligt hjärta* 'мужественное сердце'. В шведском языке, однако, встречается чрезвычайно мало прилагательных, имеющих обобщенный характер относительности.

В настоящем исследовании по «Словарю шведского языка»,¹¹ «Словнику шведского языка»¹² и «Иллюстрированному шведскому словарю»¹³ были выписаны все прилагательные, образованные от основ существительных, являвшихся первыми компонентами собранных составных слов. Число отобранной произвольно части сложных существительных превышало 1000 примеров. Анализ материала показал, что в современном шведском языке практически не встречаются прилагательные с обобщенным значением относительности, образованные от основ существительных, обозначающих: 1) профессии и социальное положение лица, 2) названия животных; 3) названия месяцев и дней недели, 4) названия учреждений и предприятий, 5) названия веществ и продуктов. Не встречаются также прилагательные, образованные от основ отглагольных существительных и от многих других семантических классов этой части речи.

Отсутствие относительных прилагательных от перечисленных существительных является свидетельством того, что прилагательное в шведском языке продолжает оставаться слабо развитой частью речи. Рост числа этих образований идет за счет увеличения качественных, но не относительных прилагательных. Только бедностью шведского языка относительными прилагательными можно объяснить тот факт, что общее число словосо-

¹¹ Ordbok över svenska språket, utgiven av Svenska akademien. Lund, 1898.—

¹² Svenska akademiens ordlista över svenska språket, nionde upplagan. Stockholm, 1952.

¹³ Illustrerad svensk ordbok. Stockholm, 1955.

четаний с такими прилагательными в настоящем исследовании не превысило одного десятка. Этим же обстоятельством объясняется и то, что сложные существительные являются в современном шведском языке основным средством выражения относительного признака.

ВЫВОДЫ

1. Семантика сложных существительных может быть правильно понята лишь в том случае, если будет определено смысловое различие между этими образованиями и сходными с ними словосочетаниями.

2. Проблема так называемой синонимии сложных существительных и сходных с ними словосочетаний сводится в шведском языке к вопросу о сходстве между так называемыми «свободными» сложными существительными и тремя возможными моделями словосочетаний: определительными генитивными словосочетаниями, определительными предложными словосочетаниями и словосочетаниями типа «прилагательное + существительное».

3. Значение сложных существительных никогда не является полностью синонимичным значению сходных с ними генитивных или предложных словосочетаний, поскольку различие между этими образованиями является не лексическим или стилистическим, а грамматическим. По этой причине представляется возможным говорить лишь о сходстве значения сложных существительных со значением определительных словосочетаний. Семантика генитивных словосочетаний всегда бывает «осложнена» по сравнению со значением сложных слов показателями тех грамматических категорий, которые вносит в них морфологическое оформление определителя. В предложных словосочетаниях к этим значениям добавляется также и значение предлога.

4. Значение сложных существительных может быть сходно в отдельных случаях лишь со значением словосочетаний типа «прилагательное + существительное». Абсолютная синонимия этих образований наблюдается, однако, только тогда, когда прилагательное имеет обобщенный характер относительности. Ввиду того, что в современном шведском языке таких прилагательных чрезвычайно мало, количество синонимичных пар сложных существительных и словосочетаний исчисляется лишь единицами. В настоящем исследовании, например, это количество не превысило одного десятка примеров.

5. Ввиду недостаточного развития относительных прилагательных в шведском языке сложные существительные являются важнейшим средством выражения относительного признака предметов и понятий.

За время подготовки работы к печати мы ознакомились со статьей К. А. Левковской «Об особенностях так называемых определительных сложных существительных в немецком языке»

(Сборник статей по языкознанию памяти М. В. Сергиевского. М., Изд. МГУ, 1961, стр. 161—173). Названная статья будет прокомментирована нами в последующих работах.

ÄR SAMMANSATTA SUBSTANTIV SYNONYMA
MED LIKNANDE ATTRIBUTIVA KONSTRUKTIONER I SVENSKAN?

I. V. Kallistova

I artikeln behandlas en av de oklaraste frågorna beträffande de sammansatta substantiven och deras semantiska struktur. Påståendet att sammansatta substantiv är synonyma med liknande attributiva konstruktioner finner man i arbeten om svensk ordbildning.

Ovannämnt problem bör inte betraktas odifferentierat. Dess lösning är förknippad med substantivens klassifikation i tre semantiska typer.

Till den första typen av s. k. «fria» sammansatta substantiv hör de flesta sammansatta substantiv. De kallas för «fria» substantiv på grund av det fria, tillfälliga förhållandet mellan deras komponenter. Substantiv av sådan typ kan i de flesta fall uppstå i språket allt efter behovet att ge uttryck åt nya begrepp och föremål. T. ex. *atomenergi, radioprogram* o. s. v. Var och en av komponenterna kan hos dessa «fria» substantiv ersättas med en annan komponent av liknande semantisk struktur. Jfr. *atom-explosion, bioprogram* med de föregående exemplen.

I motsats till de «fria» substantiven anses förhållandet mellan komponenterna hos de andra två typer (nämnda här som «fraseologiska» och «idiomatiska» sammansatta substantiv) som stabilt. Jmf. *järnväg, hästkraft, frimärke, fingerborg* osv. Dessa substantiv reproduceras i språkprocessen under det att de «fria» sammansatta substantiven skapas i den.

S. k. synonymi mellan sammansatta substantiv och liknande attributiva konstruktioner kan iakttagas bara i de fall då de sammansatta substantiven är «fria».

Bland substantiven och de tre attributiva konstruktioner som kan vara lika med dem, d. v. s. genitivkonstruktioner, prepositions-konstruktioner och konstruktioner «adjektiv + substantiv» kan dock märkas stora och väsentliga skillnader.

Attributet i genitivkonstruktionerna är «försett» med en rad grammatiska kategorier, d. v. s. med de grammatiska kategorier som förvandlar substantivstammen till ett ord: genus-, numerus-, kasus- och artikelkategorierna. Jfr. *höstplöjning* och (*den sista*) *höstens plöjning, officersfru* och *officerens fru*.

I prepositions-konstruktioner fogas till den grammatiska betydelse som attributet har också prepositionsbetydelse. Tillägget av prepositioner kan ibland förändra konstruktionens betydelse. Jfk *harhuvud, huvud på hare, el. huvud av hare*.

Dessa fakta visar att de sammansatta substantiven och de två ovannämnda attributiva konstruktionerna inte är synonyma. De grammatiska skiljaktigheterna hos attributelementen i dessa båda grammatiska enheter gör att man kan blott tala om deras likhet, men inte om deras synonymi.

Synonymin eller rättare sagt, den grammatiska synonymin förekommer bara mellan sammansatta substantiv och attributkonstruktioner av typen «adjektiv + substantiv» Ifr. *kvinnogymnastiken* och *den kvinnliga gymnastiken*, *mannahjärta* och *manligt hjärta*. I svenska språket finns det ändock ytterst få s. k. relativa adjektiv som kan vara synonyma med de sammansatta substantivens första komponent. Denna omständighet förklarar orsaken till att det finns så få synonymparalleller mellan de sammansatta substantiven och konstruktioner av typen «adjektiv + substantiv».
